

М. М. Морозов

Автобиография

М. Морозов. Шекспир, Бернс, Шоу...
М., "Искусство", 1967

Автор вступительной статьи и составитель сборника и редактор Ю. Шведов
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmn@lib.ru>

Я родился в семье богатых промышленников Морозовых 18 февраля 1897 года по старому стилю. Мой отец, Михаил Абрамович, мало занимался коммерческими делами. Интересы его были в области истории и искусства {Михаил Абрамович кончил филологический факультет Московского университета. Писал под псевдонимом Михаил Юрьев. Им было написано несколько работ по всеобщей истории. Он также был театральным критиком. Скончался в 1903 году в тридцатитрехлетнем возрасте. Бабушка М. М. Морозова - известная общественная деятельница Варвара Алексеевна Морозова, издательница газеты "Русские ведомости". Большую часть своего состояния (пай Тверской мануфактуры) она завещала рабочим этой фабрики.}. В свое время он написал книжку о Карле V. Он собрал большую коллекцию картин, которую моя мать после его смерти пожертвовала в Третьяковскую галерею (ценность дара, если не ошибаюсь, была определена чуть ли не в миллион рублей золотом), а также в ряд провинциальных музеев. Моя мать, Маргарита Кирилловна Морозова, по рождению Мамонтова. Отец ее - племянник Саввы Ивановича Мамонтова, известного мецената оперного театра. Он также двоюродный брат Третьякова, основателя галереи. Моя мать, сейчас в весьма преклонном возрасте, живет в Москве. Она персональная пенсионерка. В свое время она была видной общественной деятельницей, главным образом в области искусства (в частности, была директором Музыкального общества). Сейчас она пишет свои мемуары. Она была близким другом композитора Скрябина и недавно написала о нем статью.

Я получил весьма тщательное домашнее образование. Это образование, однако, мало касалось практических наук. Учили меня музыке, к которой у меня нет абсолютно никаких способностей, а также языкам. Так, например, латинскому языку, а также греческому, учил меня дома знаменитый педагог С. П. Гвоздев, который приобщил меня к филологическим комментариям, что очень мне впоследствии пригодилось, когда я стал специально заниматься Шекспиром. Английскому языку меня стали учить с двух лет, и нет поэтому ничего удивительного, что я знаю язык в совершенстве. Мои интересы очень рано сложились в области филологии, а также театра. Однако я не кончил филологического факультета университета по болезни. Я не был на фронте первой мировой войны, и великие события 1917 года застали меня еще совершенно не определившимся и, конечно, совсем не разбирающимся в политических и социальных вопросах. Правда, дух воспитания, полученного мною, был очень демократичным. Имена Белинского, Чернышевского, Добролюбова произносились в нашем доме с большим уважением, и я с ранних лет читал их произведения. Но все это было крайне смутным и расплывчатым. Моей мечтой было стать писателем. Я написал пьесу (это был претенциозный пустячок, основанный на заумном "психологическом" выверте), которая шла в одном маленьком московском театре в 1918 году. В следующем году я поступил на службу в Наркомпрод, заведующим отделом информации, и сотрудничал по экономическому репортажу в газетах "Правда", "Известия", "Экономическая жизнь" и др. Однако желание стать писателем меня не покидало. Я написал вторую пьесу "О-Тао", которая шла в одной из московских студий и на которую позднее написал оперу композитор Шиншин. Эта пьеска была напечатана отдельной книжечкой в издательстве "Созвездие" в, 1921 году. С 1920 года я перешел на театральную работу: режиссировал в народном доме под Москвой, читал лекции по истории театра, главным образом по итальянской комедии масок. Одновременно занимался переводами. Мой (сделанный совместно с Н. И. Волконским, режиссером Малого театра) перевод трагедии Шиллера "Заговор Фиеско" был поставлен в Малом театре в 1923 году и заслужил в печати очень лестный отзыв А. В. Луначарского. Впоследствии я перевел "Любовью не шутят" Мюссе, и мой перевод был поставлен в театре-студии под руководством Ю. А. Завадского. К счастью, материальная необходимость принудила меня заниматься уроками английского языка - говорю: "к счастью", так как этот путь в конце концов привел меня к любимому делу - шекспироведению. Я преподавал во II МГУ, на Высших курсах, в техникуме и разных курсах и группах, изучающих английский язык. Потом стал читать на английском языке лекции по истории английской литературы. Примерно с 1928 года все больше и больше отдавал сил анализу шекспировских текстов. Стал проводить публичные чтения Шекспира в библиотеке иностранной литературы. Впоследствии результатом этой работы явились составленные мною книжки с комментариями для первого знакомства учащихся с Шекспиром. Кроме того, я составил большое количество учебников, хрестоматий и пособий для изучающих английский язык. Хотя я изредка